

Храм Афродиты

Елена
Арсеньева

ШКОЛА ГЕТЕР

Храм Афродиты

Елена Арсеньева

Школа гетер

«Елена Арсеньева»

2014

Арсеньева Е. А.

Школа гетер / Е. А. Арсеньева — «Елена Арсеньева»,
2014 — (Храм Афродиты)

ISBN 978-5-699-74875-4

При рождении девочку называли Доркион, что значит «маленькая косуля». Однако отец, вернувшись на остров Икария из многолетнего плавания, дал ей имя Лаис, то есть львица. Лаис частенько казалось, что боги наблюдают за ней. И вот однажды около источника Афродиты она встретила прекрасную женщину которая предсказала ей судьбу: Лаис будет служить в храме Афродиты в Коринфе. Что ж, эта женщина знала, о чём говорит: ведь это была сама Афродита! А еще она сказала: «Все, что может помешать исполнению предначертания, будет сметено с пути человека, даже если он обольется слезами и проклянет неумолимых богов». И предсказание сбывается! Лаис доберется до Коринфа, поступит в знаменитую Школу гетер, спасет от разорения и позора храм Афродиты. Однако не раз проклянет она неумолимых богов, когда будет терять близких и друзей, - и не раз благословит их, когда любовь и страсть повстречаются ей на жизненном пути. Эта третья книга из серии «Храм Афродиты».

ISBN 978-5-699-74875-4

© Арсеньева Е. А., 2014

© Елена Арсеньева, 2014

Содержание

Икария	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Арсеньева

Школа гетер

*Где розы мои?
Фиалки мои?
Где мой светлоокий месяц?
Вот розы твои,
Фиалки твои,
Вот твой светлоокий месяц!*

Песня древних времен

© Арсеньева Е., 2014

© Дизайн обложки – Арсеньева Е., 2020

При оформлении использован фрагмент картины Джона Уильяма Годварда «Отдых и озорство», 1895 г.

Икария

Это слово – «лаис» – она впервые услышала от отца, еще когда жила на островке Икария в селении близ морского побережья и звалась просто-напросто Доркион, то есть маленькая косуля. Такое имя дала девочке Филомела – ее тетушка, которая и вырастила Доркион. Маленькая косуля сначала думала, что Филомела ее мать, но однажды та привела девочку в горы, показала грудю камней возле непроглядно-глубокой расщелины и сказала, что там, в той расщелине, погибла Фтеро, родная мать Доркион. Достать ее тело, чтобы по обряду предать огню, так и не сумели, поэтому Филомела просто сложила на обрыве грудю камней, чтобы можно было найти место, где погибла любимая сестра, прийти поклониться ее памяти и принести жертвы духу Фтеро, который, конечно, тоже обитает здесь, а не отправился в Аид, в царство мертвых: ведь ритуальное погребение не совершалось, два обола¹ не были положены Фтеро на закрытые глаза, а значит, ей нечем было заплатить перевозчику, который переправляет усопших через безвозвратную реку Ахерон.

Филомела очень любила сестру, а потому говорила, что мечтает после смерти лежать в той же расщелине. Ничего, что хищные птицы расклюют ее останки! Зато ее дух будет рядом с духом Фтеро.

– Когда я умру, ты скажешь людям о моем последнем желании, – велела она Доркион.

Маленькая косуля – и в самом деле еще малышка – не в силах была даже вообразить себе, что Филомела может умереть и оставить ее одну-одинешеньку, но все же, конечно, пообещала сделать так, как она хочет. И, когда настало время, исполнила это обещание...

Однажды в их небольшом селении поднялась ужасная суматоха. К берегу подошла галера. Она была огромной! Раньше здесь появлялись только большие и маленькие рыбацьи лодки. На одной из таких лодок давным-давно ушел в море отец Доркион. Ушел – и пропал. Его жена Фтеро частенько высматривала лодку в морских далях, а чтобы лучше видеть, забиралась на самые высокие скалы. С такой скалы она однажды и сорвалась в пропасть...

И вот отец Доркион вернулся! Он был одним из гребцов на той огромной галере и рассказал, что она называется пентеконтера, потому что на ней пятьдесят гребцов и пятьдесят весел: по двадцать пять в два ряда. Пентеконта означает – пятьдесят.

Обычно за веслами на галерах сидели рабы, но иногда гребцами нанимались и свободные граждане, потому что за этот тяжелый труд хорошо платили. Сюда брали только силачей, и вот таким силачом был отец Доркион. Огромного роста, плечи широченные, глаза серые, дерзкие, а всклокоченные ветром волосы похожи на львиную гриву... Он и сам был похож на льва!

– Ты не мой отец, – сказала Доркион, с восторгом глядя на него. – Разве может лев быть отцом маленькой косули? Ты вон какой сильный, а меня вечно колотит этот противный Орестес...

– Я твой отец, – ответил «лев». – У тебя мои глаза! Ты похожа на меня, будто дождевая капля на ливень. Вся разница в том, что в ливне воды больше, а капля – маленькая. Вот и я большой, а ты маленькая. Мое имя – Леодор, дар льва, а тебя, если хочешь, мы будем звать Лаис, то есть львица. Один сарацин² – мы вместе были в плену у финикийских пиратов, вместе бежали и стали добрыми друзьями – выучил меня своему языку. Слово «лаис» мне очень нравится! Когда-нибудь ты станешь прекрасной и грозной, как львица, и расквитаешься с этим

---

¹ Мелкая монета в Древней Греции.

² Слово «сарацины» в переводе с греческого значит «восточные люди». В античные времена так называли разбойничьи племена кочевников Аравии; в Средние века сарацинами стали именовать вообще всех мусульман. (*Здесь и далее примечания автора.*)

противным Орестесом. Только сначала тебе надо подрасти. А потом я заберу тебя с собой, увезу за море, Зевс свидетель!

– Но там, за морем, живет мормо – страшный упырь, который набрасывается на детей и убивает их! – испуганно воскликнула Доркион. – Я бы хотела научиться летать, чтобы он меня не догнал!

– Ничего, галера под парусом летит как ветер, никакой мормо нас не настигнет, – успокоил отец. – Мы отправимся в Афины. В этой жалкой деревушке моей дочери не место! Согласна уехать со мной и зваться Лаис?

– Конечно, согласна! – радостно закричала Доркион, но Филомела только головой покачала и буркнула, что будет звать ее по-прежнему, а слово Лаис ей вовсе не нравится, да и вообще вся эта затея с Афинами ей не по нраву. Зачем девчонке голову всякой ерундой забивать?! Леодор и будущая Лаис только засмеялись, однако Филомела поступила по-своему, так что теперь у Доркион было два имени: одно для Филомелы, Орестеса и всей деревни, а другое – для того неведомого «когда-нибудь», которое еще не наступило, но непременно должно наступить – ведь так сказал отец, а Доркион верила каждому его слову!

Несколько дней они почти не разлучались. Леодор рассказывал о морях и городах, о тех людях, которых повстречал на своих сухопутных и водных дорогах, о новых знаниях и умениях, которые обрел, но куда чаще слышала от него Доркион истории о богах и богинях.

– Человек должен понимать, что он не бесформенный комок глины и не муравей, который всегда смотрит в землю, – говорил отец. – Глаза человека должны почаще устремляться к небесам, чтобы встречать взоры богов, которые снисходительно приглядывают за нами!

Никто в деревне никогда не произносил таких речей... Конечно, все с рождения знают об Олимпе и его бессмертных обитателях, об Аиде и царстве мертвых, о Посейдоне и его подводных владениях, люди беспрестанно упоминают имена богов, сплескивают им вино из кубка и бросают в огонь кусочек лепешки, клянутся богами и призывают к ним, однако Леодор говорил о них не просто как о величавых, грозных или милостивых творцах человеческих судеб, но рассказывал и о том, как они сами рождались, любили, ссорились между собой, сражались, карали или вознаграждали, как порой снисходили к людям. Слушая отца, Доркион чувствовала себя иссохшей губкой, которая жадно впитывает воду новых знаний. Его слова постепенно превращали маленькую косулю если еще и не в львицу, то в маленького львенка. И она не сомневалась, что навсегда запомнит все, что услышала от него.

Теперь Доркион частенько казалось, что боги наблюдают за ней. Иногда, особенно глубокой ночью, бывало даже страшновато: чудилось, будто не луна заглядывает в приотворенную дверь хижины, а сама Селена явилась навеять девочке причудливые сны. В лесу она всегда готова была улыбнуться дриаде или убежать от похотливого сатира. Пение сирен доносилось до нее сквозь шум морских волн. Руки Гелиоса касались ее плеч, когда особенно сильно жгло солнце. Когда Доркион проходила мимо чьего-нибудь огорода, где, по обычаю, стояло изображение Приапа, отпугивающее птиц, то раньше стыдливо отводила взор от его непомерно большого детородного органа. Но теперь она старалась не оскорбить божество и с почтением взирала на магический фаллос, сообщающий плодородие земле и ее произрастаниям.

Доркион верила, будто наяды поднимаются из морских глубин, чтобы улыбнуться самым красивым корабельщикам и поманить их с собой на дно, и умоляла отца – ведь он был, на ее взгляд, красивейшим из мужчин на свете! – не отвечать на их призывы. И, конечно, не слушать пение сирен, которое сводит людей с ума.

– Я люблю море, но мне еще не надоела земля, – успокаивал отец. – Я был простым пойменесом – овечьим пастухом, потом рыбаком, потом пленником финикийских пиратов, я был каменотесом, бродягой, скороходом, который носит письма из города в город, теперь я мореход... Но есть еще множество интересных занятий, которых я еще не попробовал! Разве я могу умирать?! К тому же я ведь должен вернуться за тобой, дочь моя... когда ты немного

подрастешь! Нет-нет, тебе не место в такой глуши, среди этих людишек, которые ничего не знают и не видят дальше своего носа, хотя живут на берегу необъятного моря, и стоит им только захотеть, весь мир откроется пред ними!

Время летело слишком быстро, и вот кончились эти счастливые дни: пентеконтера ушла в морские дали, с ней вместе ушел отец, а Доркион с Филомелой принялись его ждать.

Филомела была грустна, ничего не могла есть, ее беспрестанно тошнило. Доркион знала, что все ночи, проведенные в их доме, отец спал в постели Филомелы, поэтому у нее скоро будет ребенок. Брат или сестра Доркион!

Маленькая косуля очень радовалась этому, однако Филомела укоряла себя, что не устояла и отдалась Леодору.

– Вот так же было и с бедняжкой Фтеро, – вздыхала она. – Моя сестра с ума сходила по этому парню и была счастлива, когда однажды он позвал ее сходить омыться в источнике Афродиты...

На Икарии существовал такой обычай. Если мужчина хотел, чтобы девушка стала его женой, он звал ее к источнику Афродиты. Ведь ее власть простирается на весь мир. Люди верили, что именно Афродита повелевает дождями, солнцем и даже может усмирять бури на море, ниспосылать удачу рыбакам. И, уж конечно, именно она должна благословить любящих, омывая их водами своего источника.

Потом, когда Доркион уже попала в Афины, она узнала, что там задает тон и определяет все обычаи суровая и мудрая Афина-девственница, а потому городские девушки тоже очень берегут свое девство. Ни одна не взойдет на ложе мужчины, если он во всеуслышание не объявит ее своей женой и потом не будет справлен пышный свадебный пир! А вот на Икарии жили куда проще. Всех благословляла Афродита около своего источника.

Конечно, родителям приходилось следить за своими дочерьми, чтобы они не ходили туда с кем попало, но за Филомелой и Фтеро следить было некому: их отец и мать давно умерли, девочек воспитывала и растила сельская община, поэтому никому не было особого дела, с кем гуляют сестры. Участь таких, как они, предрешена с рождения: если не найдутся мужчины, которые возьмут их в жены, то они станут женами общины. Любой сможет найти утешение в их объятиях: пастух, рыбак, гребец со случайно подошедшей к берегу галеры, недужный, который нарочно прибыл на Икарию, чтобы исцелиться в одном из тех целебных источников, которыми она славится, – да кто угодно! И они никому не смеют отказать, ибо только так могут вернуть долг за общинное милосердие.

Леодор сводил Фтеро к источнику Афродиты – и с тех пор она считалась его женой. Но Филомела с ним туда не ходила и потому не смела надеяться, что Леодор прилюдно назовет ее супругой.

С Филомелой и прежде нередко проводили время мужчины, однако она ни разу не беременела и очень этому радовалась. А теперь загрустила.

– На что мы будем жить, маленькая моя косуля? – вопрошала Филомела печально. – Когда кончатся те монеты, которые оставил Леодор, что будет с нами? Неужто снова зависеть от щедрот общины? Снова останемся в нужде, как было до его приезда?

– Отец скоро вернется, вот увидишь! – уверяла Доркион. – Вернется – и мы не будем знать нужды и горя. Отец возьмет тебя в жены, увезет в Афины, и там я буду помогать тебе растить дитя. Я буду очень хорошей нянькой!

Филомела очень хотела в это верить, но она слишком страдала от беременности, чтобы надеяться на лучшее. И вот однажды она решила, будто ей так плохо потому, что ее ночи с Леодором не были благословлены Афродитой. И решила сама пойти искупаться в ее источнике и попросить у богини прощения.

Но богиня отвергла ее мольбы...

Наверное, вся Эллада³ знает об источниках Икарии, которые называются банями Геракла. В незапамятные времена великий герой побывал на острове и исцелился от старых ран, давно мучивших его. Каких только нет здесь целебных вод! Одни выгоняют из тела дурные жидкости, другие расслабляют желудок, третьи помогают при параличе и других болезнях... Однако потом, позднее, когда Лаис уже жила в Афинах и в Коринфе, она много слышала рассказов об их волшебной силе: мол, они возвращают молодость старикам и оживляют мертвых.

Лаис точно знала, что все это глупости. Особенно про оживление мертвых!

На Икарии ходили слухи, будто некогда один буколой – то есть пастух, который пасет буйволов, – нашел на берегу прекрасную женщину. Ее выбросило на землю волнами. Она была мертва, но море пощадило ее красоту. Этот пастух страстно в нее влюбился и возжелал ее. Он тоже верил в слухи о том, что целебная вода способна оживить мертвых, а потому отнес красавицу к одному из источников. Воды источника не исцелили ее, пастух направился к другому, третьему, даже в источнике Афродиты ее омывал, но ничего не помогло. Пастух желал эту женщину так сильно, что возлег с нею и владел мертвой не раз, пока это не стало вовсе уж невозможно. Тогда он вошел в море с нею на руках, да так и утонул, сжимая возлюбленную в объятиях.

Над этой историей можно посмеяться, можно всплакнуть, можно сморщиться с отвращением, можно пожалеть несчастного, которого Эрос довел до безумия, однако тот буколой сослужил жителям Икарии плохую службу. Афродита была жестоко оскорблена тем, что он предпочел обнимать труп, а не живых женщин, и осквернил воды ее источника тлетворной мертвечиной, а потому порешила очистить свой источник. С тех пор иногда – неожиданно и внезапно – вода здесь сильно нагревалась и становилась нестерпимо горячей. Конечно, заживо не сварисься, но обжечься можно довольно сильно. Именно поэтому в этом источнике никто не купался, как, скажем, в море, а просто осторожно омывался. Бесплодная женщина плескала воду в свое межножье, чтобы вдохнуть в него жизнь, слабосильный мужчина поливал свой вялый, поникший стебель... Афродита многим помогала, но не всем везло: иногда богиня оставалась глуха даже к самым искренним мольбам.

Филомеле не повезло больше всех. Она, наверное, забыла, как опасен может быть этот источник, и вошла в воду по пояс. Именно в это мгновение вода вдруг стала нестерпимо горячей! Филомела бросилась на берег, но было уже поздно: она упала – и здесь же, на берегу, выкинула плод. Истекая кровью, она пыталась ползти, лишилась сознания – да так и умерла.

Потом, когда бедняжку нашли, стали решать, как ее похоронить.

Спрашивали Доркион. Та была вне себя от горя, рыдала и сетовала на судьбу, однако все же нашла силы рассказать, где хотела после смерти покоиться Филомела. Староста общины очень удивился, но все же уважил это желание. Мертвое тело сбросили в ту же глубокую расщелину, где некогда погибла Фтеро, а на обрыве сложили вторую груду камней.

Потом, когда все ушли на поминальный обед, Доркион сама потихонечку собрала еще одну кучку камушков. Для младенца, которого так и не родила Филомела.

На поминальный пир идти не хотелось – Доркион знала, что там будут решать ее судьбу. Община станет судить да рядить, на сколько оболдов надо расщедриться каждому, чтобы обеспечить прожитие сироты. Впрочем, обитатели любой деревни не богаты деньгами: некоторые вообще их в глаза не видели, – а потому каждый будет помогать Доркион, чем может. Жить она, конечно, останется в той маленькой хижине, где прежде ютилась вместе с Филомелой. Один сосед насыпет в глиняный горшок горячих угольев из своего очага, чтобы сироте было чем обогреться, другой принесет охапку сосновой щепы, смоченной в смоле, чтобы осветить ее жалкий угол, третий плеснет в черепок похлебки или сунет Доркион пару сморщенных оливок

---

³ Древние греки называли себя эллинами, а общее название этой страны было Эллада. Грецией ее стали называть римляне. В настоящее время Эллада и Древняя Греция синонимичны.

и кусок черствой лепешки, четвертый даст кусок полотна для хитона⁴, когда ее одежда совсем обветшает и превратится в лохмотья... Конечно, Доркион придется отрабатывать эти милости, а потом, когда наступит ее время, придется благодарить мужчин тем, что ложиться с ними в постель, если у их жен будут в это время грязные дни и они не смогут исполнять свои супружеские обязанности. Словом, Доркион ждет участь Филомелы: скудное житье-бытье, случайные мужчины, внезапная беременность, никому не нужный ребенок, а может быть, и печальная кончина...

Тоска грызла такую, что Доркион ничего не могла, кроме как плакать. Она уже не верила, что вернется Леодор, что вырастет достойной того имени, которое дал ей отец... Никогда не стать ей Лаис, она навеки останется жалкой Доркион! Весь мир чудился враждебным, но самым большим врагом девочка считала Афродиту.

Как богиня могла так поступить?! Как она могла убить Филомелу?! Афродита, прекрасная и милосердная, щедрая и пылкая богиня любви, – почему она столь сурово наказала Филомелу за такую ерунду, как зачатие младенца без брачного венца? Да не счесть, сколько таких младенцев рождается на свет! Разве это преступление? А вот сама Афродита – дитя преступления, дитя отцеубийства! Всем известно, что она родилась, когда Гея, владычица земли и прародительница богов, возмутилась против своего жестокого и неутомимого супруга Урана. Она призвала на помощь сыновей, однако вступить за мать решился только Крон. И однажды, когда Уран явился ночью, чтобы совокупиться с женой, Крон отсек ему серпом детородный орган и отбросил его в море! Долгое время член носился по волнам, и вот из белой морской пены, одобреной семенем Урана, восстала Афродита Анадиомена – Пенорожденная...

Доркион сидела на берегу источника, на том месте, где сухая земля впитала кровь Филомелы, с ненавистью смотрела на воду и проклинала богиню, которая обездолила ее. Сердце девочки ожесточилось, и она ничуть не опасалась, что совершает святотатство, а потому может понести суровую кару.

Внезапно до нее донесся нежный женский голос, напевающий:

Где розы мои?
Фиалки мои?
Где мой светлоокий месяц?
Вот розы твои,
Фиалки твои,
Вот твой светлоокий месяц!

Доркион так и ахнула. Она знала эти слова с первых дней жизни, ведь это была любимая песня Фтеро и Филомелы! Неужели дух одной из них явился ее утешить?

Но нет, это был не дух. К Доркион приближалась женщина в белом одеянии. Она была высока ростом и стройна, тело ее маняще покачивалось при ходьбе, а больше ничего нельзя было сказать о ее внешности, ибо лицо ее закрывала кальма – легкое покрывало, словно в знак траура или печали. Доркион никогда не видела эту женщину прежде.

Может быть, это одна из тех, которые прибыли сюда, чтобы излечиться? Может быть, лицо ее изуродовано проказой или изранено, поэтому она прячет его от людей?

Стоило Доркион так подумать, как до нее донесся чуть слышный смешок, словно незнакомке непостижимым образом стали ведомы мысли девочки.

В самом деле смешно – при таком-то сложении она должна быть невероятной красавицей!

---

⁴ Нижняя одежда древних греков – как мужская, так и женская, наподобие рубашки без рукавов; только бедняки могли позволить себе появиться в одном хитоне, без верхней одежды и плаща.

Доркион хотела заговорить с незнакомкой, поздороваться, однако странное смущение сковало ее. И трепет охватил: не то страх, не то восхищение, которое отнимало речь. Доркион не видела ее глаз под покрывалом, но ощущала испытующий взгляд.

Наконец незнакомка нарушила молчание.

– Что ты делаешь здесь, около источника Афродиты, дитя? – спросила она самым мелодичным на свете голосом, и Доркион стало понятно, что пела и в самом деле она. – Почему на лице твоём столько горя, а глаза полны слез?

– Я оплакиваю свою тетушку, которая погибла на этом месте по вине Афродиты, и я оплакиваю себя, потому что осталась одна на белом свете, – ответила Доркион.

– Разве у тебя нет ни отца, ни матери? – участливо спросила женщина.

– Мать давно умерла. А отец... я сама не знаю, есть он или нет. Быть может, его давно накрыла морская волна. А может быть, он и думать забыл обо мне и о том, что обещал забрать меня отсюда и увезти в Афины.

– Афины... – задумчиво повторила незнакомка. – Ну что же, славное место. Оно понравится тебе, но еще больше понравится Коринф: ведь там воздвигнут великолепный храм Афродиты, в котором ты будешь служить.

На какой-то миг Доркион онемела от изумления.

– Я буду служить в храме Афродиты?! – кое-как выговорила она. – Откуда ты знаешь, госпожа? Разве ты вещая пророчица и видишь мое будущее?

– Я вижу твое будущее, – кивнула незнакомка, – а кроме того, всем известно, что Лахезис, одна из тех сестер-мойр, что прядут нити людских жизней, назначает каждому человеку жребий еще до его рождения. И бессмысленно пытаться изменить его. Что предназначено, то и сбудется, а все, что может помешать исполнению жребия, будет сметено с пути человека, даже если он обольется слезами и проклянет неумолимых богов. Путь жизни долог и богат впечатлениями. Каждое событие кажется необыкновенным, каждая радость – ослепительной, каждой горе – неодолимой, однако, оглянувшись назад, человек видит лишь неразличимую пыль забвения – и продолжает идти вперед.

Доркион растерялась. Речи незнакомки были слишком мудрены для нее, как и некоторые рассказы отца о богах и их замыслах, но она изо всех сил пыталась проникнуть в их смысл.

– Все, что может помешать исполнению предначертания, будет сметено с его пути... – повторила она то, что поразило ее больше всего.

Женщина кивнула, и Доркион снова ощутила ее внимательный, настойчивый взгляд сквозь покрывало.

Доркион напряженно размышляла. Отец обещал вернуться и забрать ее с собой в Афины. Но взял ли бы он и Филомелу с ребенком? Может статься, что нет, а значит, и Доркион пришлось бы остаться на Икарии: ведь она не бросила бы тетушку и ее дитя ни за что на свете! Значит, если ей в самом деле предначертано уехать в дальние края, то любовь и жалость к Филомеле могли бы помешать исполнению этого предначертания. И тогда выходит, что и вправду Филомела была кем-то сметена с пути Доркион, чтобы расчистить его...

От этой мысли стало жутко. Доркион не хотела таких жертв! Она готова была отдать все на свете, чтобы ей не выпадало такого жестокого жребия, однако всем известно, что бороться с волей богов бессмысленно, да и невозможно. С нею необходимо смириться и следовать своей стезей покорно, ибо иначе твой жребий будет влачить тебя по жизни, как буюлой тащит упрямую буйволицу, да еще и нахлестывает ее.

Значит, следует смириться со смертью Филомелы. Нет, Доркион никогда не перестанет оплакивать ее, но нужно думать и о себе, нужно смотреть в будущее и с надеждой ждать отца. Рано или поздно он приедет, увезет Доркион, она увидит Афины и Коринф, где поклоняются Афродите...

Имя богини уже не вызывало той ненависти, которую Доркион чувствовала несколько мгновений назад. Что уже случилось, то уже случилось! Даже боги следуют воле рока, жребию, назначенному Лахезису, даже Зевс подчиняется судьбе, хоть он и зовется Мойрагетом – водителем и отцом мойр! Где уж какой-то девчонке тягаться со своей участью!

Доркион покорно вздохнула – и впервые с тех пор, как узнала о смерти Филомелы, ощутила, что путы ожесточения, стянувшие ее душу и сердце, ослабели. Она поднялась, подошла к источнику и смыла его водой жесткую корку соли, которая покрыла ее лицо от пролитых слез.

Перевела дыхание и обернулась к женщине, чтобы поблагодарить ее. Но никого не было рядом.

Доркион решила, что незнакомка ушла в селение, побежала туда, но и там никто не видел ее и не слышал о ней.

– Где ты встретила эту госпожу? – спросила одна древняя старуха, которая всегда была добра к девочке.

– Около источника Афродиты, – ответила Доркион.

Старуха прищурилась:

– В прежние времена богиня иногда являлась людям около своего источника. Но я давненько не слышала об этом...

Доркион опустила глаза, чтобы скрыть восторг, который, наверное, показался бы людям смешным. Чтобы ей, заброшенной сироте, явилась Афродита?! Конечно, такого не могло случиться. Но даже сама мысль об этом была отрадной!

А время то еле тащилось, словно ленивая буйволица, то мчалось вперед, будто глупая коза. Доркион росла и взрослела. Жизнь ее складывалась не совсем так, как виделось ей в ее безотрадных размышлениях. Она не жила скудными подачками натужного милосердия: община определила девушку зарабатывать свой хлеб, помогая пастухам. Одним из них был Агазон – отец Орестеса, старинного приятеля, а вернее, неприятеля Доркион. Имя Агазона не зря значило – хороший: он и вправду был очень добр к девушке и, когда мог, защищал ее от этого драчливого забияки – своего сына.

– Не иначе, тебя в самом деле породили ореады – владычицы гор! – однажды в сердцах крикнула Доркион, потирая синяк, который ей поставил Орестес. – У тебя кулаки бьют крепче, чем камни, которые срываются со склонов!

– Нет, моего сына породила моя жена и его мать! – так и закатился смехом Агазон. – Однако родился Орестес здесь, в горах, потому мы его так и называли. Кулаки у него, может, крепкие и сильные, однако разумом он явно не силен.

– Это еще почему?! – Орестес так изумился, что даже не обиделся на отца.

– Потому что глазами-то смотреть умеешь, а видеть ими не научился, – загадочно ответил Агазон.

– И на что это я смотрю, не видя? – насторожился Орестес.

Агазон ничего не ответил, только лукаво повел взглядом в сторону Доркион.

– На эту маленькую косулю? – пренебрежительно хмыкнул Орестес. – А чего на нее смотреть? И что я могу в ней разглядеть?

– Очень много, – усмехнулся Агазон. – И сзади, и спереди. Еще будешь бегать за этой красавицей! И тогда спохватишься, что напрасно время терял!

– Она?! Красавица?! – Орестес недоверчиво захохотал. – Да уродливей ее только горгона!

Он замахнулся на Доркион, но та проворно отскочила и бросилась наутек. Помчалась сквозь заросли маквиса – только ее и видели!

Маквис – так называются высокие густые кустарники: земляничное дерево, мирт, ладанник, вереск, фисташка, маслина, розмарин, можжевельник... Просто так меж ними не продерешься: оставишь на колючках и острых ветках не только клочки одежды, но и клочки кожи, выберешься с ног до головы в крови, но Доркион знала тут каждую тропку и помнила, где при-

гнуть, где проползти на корточках, где перескочить путаницу ветвей, как продраться сквозь плющ, который, словно неразборчивый любовник, норовил заключить в свои объятия каждое дерево и куст... Не зря ее называли маленькой косулей – она была быстра и проворна, словно самая настоящая дикая козочка. А потому и сейчас она легко пролетела сквозь маквис и выскочила на каменистую прибрежную гряду. Внизу, на песке, краснели цветущие кусты тамариска, но камни, на которых стояла Доркион, громоздились выше его, и тамариск не загоразживал ей моря.

Где-то здесь, может быть, на этом самом берегу, некогда погребли дерзкого Икара. Этот юноша и его отец Дедал, строитель знаменитого Лабиринта, бежали с Крита от царя Миноса, грозившего им смертью... Вернее, не бежали, а улетели на крыльях, которые сделал из перьев, скрепленных воском, искусник Дедал. Однако Икар хотел подняться как можно выше и взлетел к самому солнцу! Но бог Гелиос жарко дохнул – воск растаял, крылья исчезли... Икар упал в морские волны. С тех пор море стало называться Икарийским, а остров, на котором великий Геракл похоронил летающего юношу, назвали Икарией.

Море величаво катило свои волны от самого горизонта, но было пустынным. Ни одного паруса...

Сколько уж раз напрасно ждала на скалах Доркион, и сколько раз еще ей придется прибегать сюда и всматриваться в пустынный, пронизанный соленым ветром горизонт? Когда, ну когда же появится вдали отцовская пентеконтера?..

Время идет, Доркион растет... Наверное, она и впрямь хорошеет, если все чаще ловит на себе горячие взоры мужчин. Да, Агазон не просто так назвал ее красавицей! У него острый глаз... неужто он присмотрел сироту себе в невестки? А что? Доркион недавно исполнилось пятнадцать, а Орестесу – шестнадцать. Конечно, он только вошел в возраст эфеба, но простые люди на маленьких островах взрослеют рано, им не до тех правил, по которым живут в городах! Шестнадцать лет – самое время жениться. Наверное, Агазон думает, что бедная сиротка Доркион с восторгом войдет в семью эполя, который всегда был добр к ней. Агазон добр, это правда, но Орестес... Что это за муж, который беспрестанно колотит жену?! А может быть, он тоже поспеет?

Доркион мечтательно улыбнулась, глядя в густую синеву морских волн. У Орестеса такие же глаза! Все жители Икарии светловолосы и светлоглазы, но у нее, Доркион, глаза серые, словно волны в ненастную погоду, а из глаз Орестеса так и льется радостное, пронизанное солнцем, синее сияние. Волосы его – ну чистое руно, которое некогда привез Язон из Колхиды! Пепельноволосая Доркион втихомолку завидовала этим мягким золотым кудрям и жалела, что Орестес так редко дает себе труд вымыть голову. А она чуть не каждый теплый, погожий вечер купалась в ручье – в одной тайной заводи, которую мало кто знал.

Это было такое наслаждение – сбросить изношенный хитон и вбежать в прохладную воду, мягкую, словно та прозрачная киосская ткань, о которой отец рассказывал Филомеле в свой прошлый приезд! Он говорил, что флейтистки и танцовщицы в Афинах носят одежды из ткани, которая почти незаметна глазам: не сразу поймешь, одеты они или наги. Вот так же – одетой и в то же время нагой – чувствовала себя и Доркион, когда вода омывала ее тело. Она ощущала себя в воде счастливой и свободной. Чтобы продлить это восхитительное ощущение, она погружалась на дно и сидела там (с каждым разом все дольше и дольше) до тех пор, пока грудь не начинала разрываться от недостатка воздуха. Тогда она выныривала, глубоко вздыхала и опасливо озиралась: иногда казалось, будто чьи-то глаза следят за ней из зарослей. Доркион уже оставила в прошлом детские страхи: она никогда не встречала на маленькой Икарии ни одного из похотливых сатиров, которые любят подглядывать за девицами, а потом совращать их, и была уверена, что ей лишь чудится чей-то взгляд. Но сейчас она вдруг подумала: а что, если за ней подсматривал Орестес?..

Еще утром такая мысль возмутила бы ее, но сейчас, после того, как Агазон назвал ее красивой и посоветовал сыну приглядеться к ней внимательней, Доркион мечтательно и томно улыбнулась. На миг вспомнилось, как однажды лунной ночью, еще когда на Икарии был отец, Доркион вдруг услышала протяжные стоны. Она подняла голову со своей постели и увидела нагие тела отца и Филомелы, сплетенные в жарком объятии и ритмично вздрагивающие...

Это то, что делают мужчины с женщинами на ложе, то, на что вдохновляет их необоримый Эрос. Доркион представила губы Орестеса на своих губах, его грудь, прижавшуюся к ее груди, и его чресла, влившиеся в ее чресла. И тихо ахнула от мучительной истомы, которая вдруг охватила тело.

И тут же нахмурилась и взмахнула руками, словно отгоняя наваждение: нет, нет!

Эрос погубил Филомелу... Погубил потому, что она стояла на пути Доркион. «Что предназначено, то и сбудется, а все, что может помешать исполнению жребия, будет сметено с пути человека, даже если он обольется слезами и проклянет неумолимых богов», – сказала женщина, которая некогда встретила Доркион у источника Афродиты. Может быть, это и впрямь была сама Афродита?.. Так или иначе, к ее словам следует прислушаться. Разве Доркион хочет, чтобы неумолимый жребий, данный ей судьбовершительницей Лахезис, погубил и Орестеса? Нет... Они не суждены друг другу, как бы этого ни хотелось Агазону и какие бы сладостные грезы ни захватили вдруг Доркион в свой мимолетный плен.

Улыбка сошла с ее лица, а на глаза набегали слезы. Доркион сердито тряхнула головой и вновь уставилась в морскую даль, уверяя себя, что это, конечно, ветер режет глаза, что она вовсе не плачет, горюя о прошлом, жалея настоящее и тоскуя о будущем.

И в этот миг некая темная точка показалась на горизонте!

У Доркион дрогнуло сердце от волнения, и она принялась карабкаться на скалу, еще более высокую, чем та, на которой стояла.

И вот она уже балансирует на крутом выступе, страстно всматриваясь в даль.

Не обмануло ли ее зрение? Не померещилось ли ей то, чего на самом деле нет, но о чем она так давно мечтает?

Ах, нет... Видение быстро приближалось, и вскоре стало ясно, что это не призрак, возникший в причудливых туманных струях: к берегу шел корабль.

Это галера! Пентеконтера!

Это возвращался Леодор.

Доркион в тревоге стиснула руки:

– О Афродита, смилуйся надо мной!

И послышалось, будто из минувшего долетел до нее милый голос незнакомки, явившейся когда-то у источника: «Еще больше тебе понравится Коринф, ведь там воздвигнут великолепный храм Афродиты, в котором ты будешь служить!»

И, несмотря на волнение и тревогу, Доркион затрепетала в блаженном и нетерпеливом ожидании будущего.

Пентеконтера между тем приближалась.

Доркион всматривалась в корабль так напряженно, что слезились глаза. Вот она уже могла различить фигуры гребцов, которые ритмично сгибались и разгибались, взрезая веслами морскую гладь и гоня галеру вперед. Где-то среди них отец! А может быть, за эти годы он получил повышение в чине и теперь стал надсмотрщиком за гребцами – келевстом? Келевст руководит теми, кто сидит на веслах, с помощью искусного флейтиста, который своей игрой задает ритм гребли... А что, если Леодор теперь кибернет – рулевой? Может быть, это отец стоит на высоком мостике и направляет галеру в Икарию?!

Мечты, мечты кружили голову Доркион...

Гребцы подняли весла и укрепили их в стойках. С бортов полетели якоря, а потом спустили лодку. Так всегда бывало – суда не могли подойти вплотную к берегу.

Надо поспешить в селение, ведь отец первым делом будет искать ее дома!

Доркион сползла с высокого откоса, выскочила на тропинку – и с разбегу налетела на какого-то человека.

Орестес?! Что он тут делает?!

Но юноша опередил ее с вопросом.

– Что ты тут делаешь? – хмуро буркнул он. – Отец послал меня искать тебя.

– Дай пройти, я спешу! – воскликнула Доркион, пытаясь проскочить мимо него по узкой тропке, но Орестес успел схватить ее за руку:

– Куда спешишь? Зачем?

– Ты что, ослеп? – изумилась Доркион. – Взгляни на море – там корабль! Это мой отец приплыл за мной, как обещал много лет назад. Отпусти же меня!

– Приплыл за тобой? – повторил Орестес, не выпуская ее руки. – Значит, он увезет тебя?

– Да, увезет! – счастливо расхохоталась Доркион. – Я увижу Афины, но гораздо больше мне понравится Коринф, где я буду служить в храме Афродиты. Это предначертано, поэтому не стой на моем пути, а то пожалеешь!

Она всего лишь хотела предостеречь Орестеса, но забыла, какой он гордец и забияка. Его ясные синие глаза грозно потемнели:

– Ты мне угрожаешь, маленькая глупая косуля? Нет, ты не косуля, ты просто дурная коза! Будешь служить в храме Афродиты?! Ты что, не знаешь, что это такое?

– Конечно, знаю! – вызывающе ответила Доркион. – Я буду возжигать курильницы, отпускать на волю белых голубей и приносить цветы на алтарь богини. Помнишь, к нашим источникам приезжал лечиться жрец из храма Аполлона, что в Марсалии? Он ночевал в нашем селении. Разве ты не слышал его рассказов о храмовых службах?

– Слышал, конечно, – кивнул Орестес. – Но я также слышал о том, что он рассказывал о службах в других храмах. Этот жрец много повидал разных городов, бывал он и в Коринфе. Знаешь, что такое – служить в тамошнем храме Афродиты? Это означает, что ты должна будешь отдаваться всем, кто пожелает. Странник или местный житель, молодой или старый, красавец или больной проказой – любой может пожелать тебя, и ты никому не должна отказать под страхом проклятия богини! Тебя будут покупать за деньги, как вещь!

Орестес пристально уставился на Доркион, надеясь, что она испугается, однако девушка только плечами пожала:

– Ну, ты прекрасно знаешь, что больные проказой просто так по улицам не шляются и в храмы их не пускают. А отдаваться любому мужчине... Разве не это ждет меня и здесь? Разве не так живут общинные дочери в наших селениях? Они становятся женами для каждого. Ко мне может подойти кто угодно и потребовать моего тела. Я удивляюсь, что этого до сих пор не произошло. Наверное, меня еще считают слишком маленькой. Или я некрасива...

– Никто не подходит к тебе потому, что мой отец выбрал тебя для меня! – воскликнул Орестес. – Он понемногу выплачивает долг общине. Да-да, я подслушал разговор старосты и отца. С тех пор староста запретил нашим мужчинам даже думать о тебе! И как только отец все уплатит, ты станешь моей женой.

– Значит, твой отец просто покупает меня у общины? – с презрением спросила Доркион. – Как вещь? Твоя мать больна, и вам в хозяйстве понадобилась хорошая работница? Но гораздо проще было бы меня попросить помочь, а не брать в жены и не тратить деньги!

Орестес был так поражен этими словами, что отпустил ее руку, и Доркион мигом бросилась бежать.

– погоди! – послышался сзади полный отчаяния голос. – погоди! Да, мать больна, но это не потому... Это не из-за того, что нам нужна работница! Я хочу, чтобы ты стала моей женой! Я этого хочу больше всего на свете! Я люблю тебя!

Доркион даже споткнулась от изумления и приостановилась:

– Не ври! Ты бьешь меня! Ты назвал меня уродиной!

– Я нарочно! – закричал Орестес. – Клянусь всеми богами Олимпа! Я делал это нарочно! Мужчины говорят, что женщина может превратить в тряпку того, кто откроет ей сердце! Я боялся твоей власти надо мной, притворялся, что злюсь на тебя, но отец все понял, именно поэтому он хочет выкупить тебя, хотя в округе есть невесты с хорошим приданым! Остановись, Доркион! Не уезжай! Не покидай меня! Умоляю: пойдем к источнику Афродиты! Прямо сейчас! Ты станешь моей женой, и тогда никто не сможет забрать тебя у меня!

Орестес был уже близко. Вот-вот он нагонит Доркион и схватит в объятия! И тогда...

Сердце Доркион так и подпрыгнуло от счастья. Орестес... его глаза и золотое руно волос, его губы!.. Но тут же слова: «Все, что может помешать исполнению жребия, будет сметено с пути!» – вновь всплыли в ее памяти.

Нет, Орестес не для нее. И надо с этим смириться!

– Пусть твой отец поищет для тебя невесту с хорошим приданым! – крикнула она и захотала, чтобы оскорбить Орестеса, чтобы он обиделся и ушел прочь. Однако он не остановился и почти поймал ее, но, на счастье Доркион, они уже были в селении.

Все жители собрались на берегу, около небольшой лодки. Тут же стояли двое хмурых людей весьма странного вида. Они были бриты наголо и загорели до черноты. У одного, постарше, – горбатый тяжелый нос, толстые, будто вывернутые, обветренные губы и прищуренные, цепкие черные глаза. У другого, тоже темноглазого, свирепого, хоть совсем еще молодого, лицо крест-накрест рассечено шрамами. На незнакомцах были надеты короткие кожаные безрукавки и шаровары, какие, по слухам, носят сарацины, только шаровары эти были короткие, до колен. Шеи, уши, запястья эти люди щедро увешали украшениями из ракушек и кораллов, но среди них можно было различить и блеск золота. За широкими поясами заткнуты большие кривые ножи.

Доркион замедлила бег и встревоженно огляделась. Эти люди, конечно, мореходы, но они не похожи на эллинов. И отца что-то не видно... О боги, неужели это не его галера? Неужели он забыл о своем обещании и все в жизни Доркион случится так, как того хочет Орестес?! А встреча у источника Афродиты и пророчества незнакомки – не более чем досужая болтовня?!

Орестес немедленно нагнал приостановившуюся Доркион и схватил за руку.

Но она вырвалась и подбежала к незнакомцам, вопрошая:

– Вы знаете Леодора с Икарии? Это мой отец!

При этих словах хмурые лица мигом прояснились, и даже страшные шрамы молодого морехода показались не такими уродливыми.

– Ну вот! – воскликнул первый, который был постарше. – Вот и она! А эти люди клянутся, что здесь нет и не было никакой Лаис!

Доркион кивнула:

– Здесь никто не знает, что отец назвал меня этим именем. Однако где же он? И кто вы такие?

– Это слово – лаис – твой отец слышал от меня, – сказал старший мореход. – Мы с ним когда-то бежали из плена, не раз спасали друг другу жизнь, стали друзьями.

– Значит, это о тебе говорил отец, ты тот самый са...

Доркион осеклась. Если она назовет этого человека сарацином, неизвестно, как воспримут это люди. Еще набросятся на него, растерзают!

А впрочем, эти двое сами кого угодно растерзают. Односельчане Доркион безоружны, а у мореходов вон какие ножи!

– Да, я тот самый, – ухмыльнулся сарацин, который, кажется, смекнул, почему девочка запнулась, и подмигнул: – Меня зовут Кутайба.

– Имя какое-то дикое, – пробурчал Орестес неприязненно, однако Кутайба не удостоил его даже взглядом и обращался только к Доркион:

– А приятеля моего зовут Терон.

«Терон – значит охотник, – боязливо подумала девушка. – Где ж он получил эти шрамы, на какой охоте? Наверное, когти у дичи оказались длинней, чем его нож!»

– Пошли, малышка, – продолжал Кутайба. – Твой отец ждет тебя на галере.

– Почему же он сам не явился за мной? – встревожилась Доркион.

– Ну, это... – замялся Кутайба, – у него много дел на галере. Вот и прислал нас тебя забрать.

– А больше отец ни о ком не спрашивал? – спросила Доркион, надеясь, что сейчас прозвучит имя Филомелы, но Кутайба только плечами пожал:

– Да нет, а о ком еще он должен спрашивать?

Доркион только вздохнула:

– Да так... Ну что ж, тогда я готова. Нет, подождите чуть-чуть, самую капельку, – я сбегаю домой и кое-что заберу с собой.

– Бабы не могут без того, чтобы не взвалить на мужчину свое барахло! – буркнул Кутайба, но тут же благосклонно махнул рукой: – Беги, да поскорей! Туда и обратно! Только смотри, много узлов не волоки, а то лодка перевернется!

Стоявшие вокруг сельчане, которые таращились на Кутайбу и Терона с таким восторгом, словно их навестили самолично вещий морской старец Нерей и владыка морей Посейдон, расхохотались: они-то знали, что у Доркион лишнего хитона не найдется, о каких узлах может идти речь?!

Ей тоже стало смешно. А впрочем, даже если бы у нее были сундуки, которые ломились от вещей, она бы все равно ничего не взяла с собой. Тот волшебный ветер судьбоносных перемен, который внезапно взвился вокруг Доркион, взвихривая волосы и кружа голову, должен был унести ее из безотрадного прошлого легкой, невесомой, ничем не обремененной – кроме самой малой малости.

Доркион вбежала в хижину, мгновение постояла, давая глазам привыкнуть к полутьме (в домишке не было окон), а потом кинулась к дальней стене. Под этой стеной в земляном полу была вырыта ямка, а в ней стояла крошечная корзинка, давным-давно сплетенная Филомелой. Здесь Доркион держала свои сокровища: витую розовую раковину, в которой вкрадчиво и бессонно шумело море; большую жемчужину – правда, приплюснутую, кособокую, а потому не имеющую никакой ценности, хоть она и была удивительного золотистого оттенка; обломок древесного корня, напоминающий единорога, – и глиняную птичку, которую Филомела слепила и обожгла на огне, чтобы не растрескалась. Птичка была не простая: в клюве у нее проделали дырочку, а в голову уже после обжига вставили обмазанную глиной камышинку. Дунешь в камышинку – раздастся свист. Доркион раньше часто играла с этой птичкой-свистулькой, но после смерти Филомелы ни разу не поднесла к губам, только пыль с нее смахивала да побыстрей укладывала на место. Но сейчас она поцеловала птичку, виновато вздохнула, мысленно простившись с прошлым, и подняла корзинку, чтобы взять с собой, как вдруг на пороге показалась чья-то тень.

Орестес!

– Зачем пришел? – сердито спросила Доркион. – Пропусти! Меня ждут!

А он как бы даже и не собирался тронуться с места. Набычился, тяжело дыша... Доркион не видела его лица, но не сомневалась, что выражение его самое злобное.

– Орестес! Мне было приятно слышать все, что ты говорил, но... это другая жизнь, она не для меня! Пойми, я с самого раннего детства знала, что отец когда-нибудь увезет меня отсюда, что мой жребий – иной, чем тот, который ты мне предлагаешь! Коринф – мечта моей жизни, моя судьба. А ты найдешь и полюбишь другую девушку, ведь каждая будет счастлива, если ты назовешь ее своей!

– Мне не нужна каждая! – крикнул Орестес, врываясь в хижину. – Мне нужна только ты! Это тебя я хочу назвать своей! И назову!

Он так сильно толкнул Доркион, что она повалилась навзничь. И в следующее мгновение Орестес вскочил на нее верхом и стиснул коленями бедра:

– Ты будешь моей! Сейчас я развяжу твой девичий пояс, возьму твою невинность – и тогда никто не сможет увести тебя от меня!

– Когда об этом узнает мой отец, он явится и убьет тебя! – в отчаянии закричала Доркион, но Орестес будто и не слышал: задрал ее хитон и зачарованно уставился на обнаженные бедра. На лице его было незнакомое, странное выражение: мучительное и жадное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.